

На правах рукописи

Нуйкина Елена Юрьевна

**ДОКУМЕНТЫ СУДЕБНО – СЛЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. 1917–1930-е ГОДЫ**

Специальность 07.00.09. Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2020

Работа выполнена на кафедре истории вспомогательных исторических дисциплин и археографии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель: КАШТАНОВ Сергей Михайлович

доктор исторических наук, профессор,
член–корреспондент Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Лыкова Людмила Анатольевна – доктор исторических наук, федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории», главный специалист

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», кафедра истории России, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

Защита состоится «5» июня 2020 года в 16.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.198.03. (исторические науки) при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: ГСП–3, 125993, Москва, Миусская пл., д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: ГСП–3, 125993, Москва, Миусская пл., д.6, а также на сайте РГГУ по адресу:

http://www2.rsuh.ru/binary/object_67.1579702219.87786.pdf

Автореферат разослан « _____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь

Елена Владимировна Барышева

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современных условиях расширения предметного поля в историографии исследования советского прошлого в контексте изучения политических практик актуальным представляется научно–теоретическое осмысление зафиксированных в следственных делах необоснованных обвинений духовенства в контр–революционной деятельности. Анализ формулировок обвинений и выносившихся мер пресечений в разрезе трех этапов изменения религиозной политики (1917–1920, 1921–1928, 1929–1939 гг.) позволяет проследить практику ее реализации с учетом эволюции законодательных и нормативных правовых актов, регулировавших государственно–церковные отношения в контексте идеологических и социально–политических процессов.

Под религиозной политикой в проведенном исследовании понимается деятельность государственных органов (экономическая, административно–правовая и другие) в отношении религиозных организаций, духовенства и верующих. Сам термин, впервые упомянутый В.И. Лениным в черновом наброске проекта программы РКП(б)¹, не употреблялся и не рассматривался в советской историографии. Возвращение термина «религиозная политика» в предметное поле исторических исследований состоялось лишь к середине 1990-х гг., получив обоснование в трудах М.В. Шкаровского².

Возникший общественный запрос на информацию о социальных и общественно–политических процессах в стране, о церковно–государственных отношениях, судьбах репрессированного духовенства после публикации Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»³ от 18 октября 1991 г.,

---

1 Ленин В.И. Проект программы РКП. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 119.

2 Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939–1964 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Шкаровский Михаил Витальевич. М., 1996. С. 23.

3 О реабилитации жертв политических репрессий: Закон РФ от 18 октября 1991 г. №

определили актуальность обращения к документам специальных органов и, прежде всего, к документам судебно-следственных дел, тысячи из которых были переведены Указом Президента РСФСР «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР»⁴ от 24 августа 1991 г. на открытый доступ.

Востребованность темы исследования обусловлена информативностью документов судебно-следственных дел по обвинению духовенства об исторически важных данных по реализации на микроуровне религиозной политики Советского государства, в том числе о правоприменительной практике ведения следствия в отношении духовенства. С учетом видового разнообразия следственных документов актуальным является изучение их формуляров, что открывает широкие возможности для установления достоверности содержащейся в них информации.

Практический аспект исследования обусловлен значимостью документов судебно-следственных дел по обвинению духовенства в контрреволюционных преступлениях как информативных источников о судьбах репрессированного духовенства, так как в них отражены сведения биографического характера, обстоятельства ареста, предъявляемые обвинения и позиции обвиняемых, а также их оценочные суждения о событиях церковной, общественной жизни и собственной причастности к ним, содержание приговора и меры пресечений. Поскольку до настоящего времени в научной среде встречаются неоднозначные оценки возможности использования документов следственного производства советского периода в качестве исторических источников, применение методологического инструментария (источниковедческий анализ и синтез, метод сравнительного анализа и др.), позволившего рассмотреть документы

1761–1 // Ведомости съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет РФ, 1993. С. 194–204.

4 Об архивах Комитета государственной безопасности СССР: Указ Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. № 82 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 29.08.1991. № 35. Ст. 1156.

судебно–следственных дел как социокультурный феномен исследуемой эпохи, обуславливает актуальность проведенного исследования.

В основу *степени изученности темы* положены тематический и хронологический принципы. При разработке темы использовались труды, посвященные изучению судебно–следственных дел как исторических источников. Также внимание было уделено исследованиям, касающимся истории Русской православной церкви после 1917 г. и деятельности специальных органов по реализации государственной религиозной политики и политики репрессий в отношении духовенства.

Обращение к дореволюционной историографии в связи с рассмотрением документов следственного производства как источников для изучения религиозной политики Советского государства обусловлено необходимостью анализа методических подходов к их исследованию, поскольку начиная с середины XIX в. ряд исследователей обращались к документам следственных дел с целью изучения крестьянских волнений, к следственным и судебным процессам, связанным с деятельностью народнических и народовольческих организаций и групп 1870–1880–х гг.⁵ Однако анализ дореволюционных исследований показал, что работ, посвященных анализу этих документов как источников, не было.

В советской историографии документы судебно–следственных дел не только изучаются как источник, отражающий историю политических процессов, но рассматривается возможность их использования для изучения быта, языка населения, датировки событий; разработаны подходы к исследованию этого комплекса источников с учетом специфических условий их

---

5 Семевский В.И. Волнение крестьян, приписанных к олонекким заводам, в 1769–1771 гг. // Древняя и новая Россия. 1877 г. № 6–7. С. 151–163; 251–262 и др.

6 Князьков С.Е. Приемы использования и изучения судебно–следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода: сб. ст. / Под ред. В.Т. Пашуто и С.О. Шмидта. М., 1979. С. 101–102.

создания⁷. Значимыми для проводимого исследования являются подходы М.В. Нечкиной и И.А. Мироновой⁸, связанные с необходимостью критического отношения к подобному рода документам, учета обстановки следствия и стоявших перед ним задач, позиции подследственного лица, необходимости перекрестного сопоставления данных и всего материала следственных документов в совокупности, которые были использованы в данном исследовании.

С начала 1990-х гг., после снятия грифа секретности с части законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий, вопрос использования судебно–следственных дел в качестве исторических источников приобрел особую актуальность. Были рассмотрены вопросы значимости документов судебно–следственных дел с точки зрения реконструкции жизненного пути того или иного человека, протекавших общественных процессах, истории религиозных организаций, о настроениях населения и истории повседневности, организации и методов ведения следствия, достоверности содержащейся в них информации⁹. Однако в рассмотренных исследованиях вопросы источниковедческого анализа судебно–следственных дел, информативности их содержания для изучения практики реализации государственной религиозной политики в хронологической последовательности и с учетом эволюции государственно–церковных отношений не рассматривались.

К середине 1990-х гг. появились первые работы, освещающие методику анализа содержания документов судебно–следственных дел¹⁰, были

---

7 Чистякова Е.В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVIII в. // Археографический ежегодник за 1958. М.: Изд–во Академии наук, 1960. С. 91–98 и др.

8 Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М., 1945. 95 с.; Миронова И.А. Судебно–следственные материалы первой половины XIX века. М.: МГИАИ, 1958. 28 с. и др.

9 Каиль М.В. «Спасайтесь и за меня грешного всех горячо любящего молитесь». Документы архивно–следственных дел в отношении епископа Смоленского Филиппа (Ставицкого). 1922–1923 гг // Исторический архив. 2011. № 1. С. 113–124 и др.

10 Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века //

разработаны и опубликованы совместные методические пособия Росархива и ВНИИДАД¹¹, где излагается не только опыт издания следственной документации XX в., но и специфика формирования документов политических процессов, проводимых внесудебными органами. Применительно к задачам диссертационного исследования анализ этих работ выявил научные подходы к анализу состава и содержания следственных документов с учетом исторического контекста, специфики ведения следствия в советский период. К постановке задачи исследования некоторых формуляров документов следственного производства и выявления причин происходивших в них изменений подтолкнуло отсутствие исследований, касающихся изучения документов новейшего времени с целью выявления конкретных практик реализации установленных формуляров общего образца, отмеченное в трудах С.М. Каштанова¹².

В рамках проведенного исследования существенное значение для изучения взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства имели публикации, основанные на архивных источниках¹³, где наиболее полно отражены различные аспекты религиозной политики Советского государства после 1917 г., а также последствия принимаемых высшим руководством решений, вылившиеся в том числе в репрессии против священнослужителей.

Анализ степени изученности рассматриваемой в диссертации проблемы показал, что, хотя в советской историографии определилось новое направление исследования документов следственного производства, заключающееся в разработке методов их анализа, это направление не получило развития в полной

Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94–105 и др.

11 Издание судебно–следственной документации в советский период: метод. пособ. М.: ВНИИДАД, 1998. 46 с.; Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие / ВНИИДАД; сост.: И.А. Дегтярева (рук. темы), И.И. Кудрявцев. М., 2008. 88 с.

12 Каштанов С.М. Акты новейшего времени // Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 28–30 янв. 1993 г.). М., 1993. С. 101–103 и др.

13 Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО–XX, 1997. 248 с. и др.

мере в историографии новейшего времени. Несмотря на достаточно высокий исследовательский интерес к документам судебно–следственного производства, вопросы их источниковедческого анализа и информативности содержания для изучения реализации религиозной политики Советского государства не получили достаточного освещения.

Объект исследования – документы судебно–следственных дел по обвинению духовенства в период 1917–1930-е гг.

Предмет исследования – информативные возможности документов судебно–следственных дел для изучения реализации религиозной политики Советского государства в 1917–1930-е гг.

Цель и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является раскрытие информативности документов судебно–следственных дел духовенства Русской православной церкви как исторического источника для изучения реализации религиозной политики Советского государства и реконструкции биографий репрессированных священнослужителей в период 1917–1930-е гг.

В соответствии с поставленной целью были решены следующие *задачи* исследования:

– выявлены и введены в научный оборот архивные документы – судебно–следственные дела духовенства в разрезе осуществления религиозной политики Советского государства, хронологически охватывающие период 1917–1930-е гг.;

– проанализирован видовой состав документов судебно–следственных дел в период 1917–1930-е гг.;

– проанализировано содержание документов судебно–следственных дел с целью выявления практики реализации государственной религиозной политики в их развитии;

– выявлены сведения биографического характера о священниках, содержащиеся в документах судебно–следственных дел;

– проанализирован протокол допроса как основной информативный

документ следственного производства;

– исследовано содержание документов судебнo–следственных дел для восстановления обстоятельств ареста и хода следствия, изучения церковно–приходской, социальной–бытовой и повседневной жизни духовенства и верующих в период 1917–1930-е гг.;

– проведен сравнительный анализ приговоров, выносимых духовенству в период 1917–1930-е гг.;

– выявлены предъявляемые обвинения лицам духовного звания в период 1917–1930-е гг., проведен их сопоставительный анализ.

Хронологические рамки исследования включают период с 1917 по 1930-е гг. Нижняя хронологическая граница определяется обращением II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов к рабочим, солдатам и крестьянам от 26 октября 1917 г., провозгласившим готовность обеспечить безвозмездную передачу «помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов»¹⁴, что послужило началом административного воздействия советской власти по отношению к Русской православной церкви. Верхняя хронологическая граница обусловлена ликвидацией 16 апреля 1938 г. комиссии Президиума ЦИК СССР по вопросам культов, выполнявшей функции проведения в жизнь религиозной политики Советского государства. Кроме того, в этом же году было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», послужившее началом свертывания операций репрессивного характера, в том числе в отношении представителей Русской православной церкви.

Методологическая основа исследования

Исследование выполнено в рамках методологии когнитивной истории,

---

¹⁴ Обращение II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам от 26 октября 1917 г. // РСФСР. Съезд Советов (2; 1917; Петроград). Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов / Централархив; подгот.: К.Г. Котельников; авт. предисл.: Я.А. Яковлев. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 93.

согласно которой документы судебно–следственных дел можно рассматривать как источник, созданный в процессе целенаправленной деятельности государственных органов, что обуславливает их использование для изучения практики реализации религиозной политики Советского государства в отношении духовенства¹⁵.

Исследование предполагает использование микроисторического подхода к изучению не только биографических сведений обвиняемых, но и практики реализации религиозной политики государства.

При решении исследовательских задач применялись комплексный подход и методы: источниковедческий, сравнительного анализа, дипломатики (формулярный анализ), сфрагистики, историко-биографический. Это позволило выявить специфику, информативность содержания судебно-следственных документов с целью установления достоверности исторически значимых и биографических фактов. Анализ документов следственного производства осуществлялся с использованием комплексного подхода к выявлению и изучению информации, содержащейся в документах судебно–следственных дел. Применение историко–биографического метода в рамках исследования позволило провести анализ и реконструкцию обстоятельств ареста лиц духовного звания, их жизненных условий. Методы сфрагистики, а именно наблюдения, анализа и сопоставления полученных в ходе исследования данных, использовались для установления ведомственной принадлежности документов судебно–следственных дел по печатям и их анализа в соответствии с происходившими структурными изменениями в специальных органах. Применение комплексного подхода к анализу ряда проблем, находящихся на стыке отечественной истории с историей государства и права, потребовало применения историко–юридического метода для понимания изменений, происходивших в судебной системе, в документах следственного производства.

---

¹⁵ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.

Источниковая база исследования. Для изучения реализации государственной религиозной политики были изучены **законодательные и нормативно–правовые акты РСФСР и СССР¹⁶**, законодательство в области религиозной политики.

Основу источниковой базы исследования составляют документы судебно–следственных дел духовенства, которые велись внесудебными органами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Для непосредственного исследования темы нами были отобраны из фонда 10035 «Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) 301 дело (16 % от количества дел, заведенных по Москве и Московской области в отношении священнослужителей за период 1917–1930-е гг.), а также 45 дел из региональных Управлений ФСБ для сравнительного анализа ведения следствия в отношении духовенства и уяснения особенностей проведения религиозной политики на местном уровне¹⁷.

Для более детального изучения состава и содержания документов судебно–следственного дела на каждое дело была заведена отдельная таблица для фиксации: видов входящих в дело документов, даты ареста, социального происхождения обвиняемого, его сана, количества допросов, даты, статьи обвинительного приговора, меры пресечения и др. Эти данные определили подход к отбору для непосредственного изучения наиболее информативных видов документов, а именно: ордер на арест, протокол обыска, анкета, протокол

---

16 Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; Конституция (Основной Закон) РСФСР от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 21 и др.

17 Соответствующие возможности для просмотра этих дел были предоставлены рабочей группой при Комиссии по канонизации святых Московской епархии, которой диссертант оказывал некоторую помощь в просмотре дел фонда 10035, а также просмотре судебно–следственных дел в архиве ЦА ФСБ. Доступ к делам осуществлялся в соответствии с приказом Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «О порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно–проверочных дел».

допроса, обвинительное заключение, заявление арестованного, ходатайства граждан о его освобождении, а также документы, изъятые в ходе обысков (переписка, послания, листовки, брошюры и другие).

Были привлечены дела фонда «Народный комиссариат юстиции» ГАРФ (А–353)¹⁸, что было обусловлено необходимостью изучения первых шагов Советского государства в реализации религиозной политики, в частности, изъятия церковных ценностей, которые происходили в 1918–1919 гг.

В фонде 66 «Нормативные и распорядительные документы органов государственной безопасности» Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ России)¹⁹ были изучены документы инструктивного и распорядительного характера, отражающие принципы оформления документов судебно–следственных дел, а также основные недочеты в документировании следственного производства, выявленные ВЧК–ГПУ–НКВД в 1924, 1928, 1931, 1933 и 1938 гг.

Значимым для нашего исследования стало обращение к сборникам опубликованных архивных документов, многие из которых ранее находились на секретном хранении. Их анализ позволил проследить причины и последствия принятия решений в области религиозной политики в исследуемый период. Кроме того, были проанализированы факторы, влиявшие на формирование состава судебно–следственных дел, ведение следствия, причины процессуальных изменений в документировании следственного производства²⁰.

Научная новизна диссертационного исследования документов судебно–следственных дел по обвинению духовенства как источника для изучения религиозной политики советского государства в период 1917–1930-е гг.

---

18 Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. А–353. Оп. 3. Д. 4, 5, 11, 19, 32, 44, 87, 88, 90, 147, 727–739, 744–758, 766–783.

19 Ф. 66. Оп. 1. Д. 1, 133, 135, 138, 152, 163, 185, 196, 214, 222, 224, 267, 434, 432, 484.

20 ЛУБЯНКА: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: МФД, 2003. 768 с. и др.

определяется источниковедческим измерением изучаемых процессов в области религиозной политики государства и судеб духовенства на микроисторическом уровне. В научный оборот введены документы судебно–следственных дел репрессированных священников, отражающие религиозную политику советского государства и позволяющие проследить формы протестного движения (крестьянские восстания, сбор подписей в защиту церквей и др.), события церковно–приходской и повседневной жизни, внесудебные полномочия, структурные изменения органов государственной безопасности.

В диссертации впервые:

1) показана информативность содержания документов судебно–следственных дел духовенства для изучения реализации государственной религиозной политики в период 1917–1930-е гг. на микроисторическом уровне с учетом изменения политических и социально–общественных условий;

2) по документам судебно–следственных дел по обвинению духовенства в политических преступлениях проанализировано выполнение требований к процессуальному оформлению следственных документов, установленных Уголовно–процессуальным кодексом РСФСР, практическими пособиями и ведомственными инструктивными документами для работников следственных органов. Применение историко–юридического метода позволило рассмотреть указанную практику в контексте изменения уголовного законодательства и структурных преобразований органов государственной безопасности;

3) проведен сравнительный анализ формуляра протокола допроса по годам и выявлены изменения в содержании его структурных частей (введение, содержание, заключение) с учетом процессуальных норм и социально–политических изменений в период 1917–1930-е гг.;

4) по документам судебно–следственных дел духовенства за период 1917–1930-е гг. показано, что Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. ввел изменение в видовой состав следственных документов (постановление, обвинительное заключение; уточнены формуляры документов), положил начало

формализации документирования следственных действий;

5) на основе сопоставительного анализа содержания обвинительных приговоров в хронологической последовательности рассмотрена практика применения статей Уголовного кодекса РСФСР по обоснованию обвинений священнослужителей в политических преступлениях, что позволило проследить трансформацию понятия «контрреволюционная деятельность» в трактовке судебно–следственных органов, показать несоответствие совершенных действий (крестный ход, проповедь, сбор подписей и др.) предъявленному обвинению по статьям Уголовного кодекса РСФСР;

6) по документам судебно–следственных дел по обвинению духовенства проанализированы изменения в применяемых мерах пресечения в каждый из рассматриваемых исторических периодов (1917–1920, 1921–1928, 1929–1939 гг.) в контексте изменения внесудебных полномочий органов ВЧК-ОГПУ-НКВД и в зависимости от принимавшихся политических решений, направленных против политических противников советской власти.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Документы судебно-следственных дел по обвинению духовенства являются источником для изучения:

1.1 практики реализации религиозной политики Советского государства, которая затрагивала интересы значительной части населения.

1.2 биографической информации о репрессированных, которая не отражена в других документах и зачастую представляют единственную возможность восстановить обстоятельства последних дней жизни человека.

2. Отсутствие в документах судебно-следственных дел доказательных фактов осуществления духовенством контрреволюционных действий свидетельствует о фальсификации предъявляемых обвинений.

3. Сведения биографического характера, содержащиеся в документах судебно–следственных дел, являются неполными и нередко требуют фактографического уточнения с привлечением других видов источников.

4. Документы следственного производства в отношении священнослужителей являются источником по истории Русской православной церкви XX века, в них отражены сведения о повседневной жизни людей, об их отношении к событиям церковной жизни, к проводимой антирелигиозной политике государства.

5. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР 1922–1923 гг. впервые в советской практике регламентировали документирование следственного процесса. Документы следственных дел духовенства дают возможность проследить изменения конкретной следственной практики в отношении духовенства в период 1917–1930-е гг. в контексте социальных процессов, проводившейся религиозной политики и изменения уголовного законодательства.

6. Несмотря на введение в 1920-е гг. правовых норм, в отношении духовенства продолжали применяться внеправовые методы ведения следствия.

7. Меры пресечения, выносимые обвиняемому духовенству в 1917–1930-е гг. в соответствии с УК РСФСР, изменялись в соответствии с проводимыми в государстве общеполитическими кампаниями (военный коммунизм, НЭП, коллективизация и т.д.).

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут: во–первых, служить основой для последующего изучения документов следственного производства других категорий арестованных; во–вторых, использоваться для дальнейшего исследования религиозной политики Советского государства, а также восстановления судеб репрессированного духовенства и мирян; в–третьих, быть полезными для изучения проблемы становления уголовного советского права; в–четвертых, использоваться для расширения источниковедческой проблематики истории России XX века.

Структура работы обусловлена задачами исследования и включает введение, две главы, заключение, список использованных источников и

литературы и приложения.

В первой главе **«Общая характеристика судебно–следственных дел духовенства за период 1917–1930-х гг. как исторических источников»** рассматривается состав документов судебно–следственных дел и достоверность их содержания.

Современное документоведение определяет судебно–следственное дело как «документы, образующиеся в деятельности учреждений, проводящих следствие и суд, и содержащие информацию обо всех решениях и действиях, предпринятых участниками процесса во время следствия, а также фиксирующие ход судебного разбирательства и решение суда»²¹. Важное место в исследовании документов судебно–следственных дел занимает анализ исторических условий, в которых возникли эти документы и которые определили их содержательное наполнение. В рамках исследования проводился анализ документов судебно–следственных дел за период 1917–1930-е гг.

В параграфе 1 **«Видовой состав судебно–следственных дел за период 1917–1930-х гг.»** анализируются виды и формуляры документов, входящих в судебно–следственные дела духовенства, а также причины изменений как самих документов, так и их видového состава в соответствии с внутренними инструкциями и законодательством.

Состав документов судебно–следственного дела зависел от проводившихся следственных действий, каждое из которых фиксировалось определенным видом документа (ордер, постановление, протокол, обвинительное заключение), а также включал документы личного происхождения и иные, изъятые в ходе проведения обыска.

Делается вывод о том, что расширение состава следственных документов произошло после принятия Уголовно–процессуального кодекса РСФСР 1923 г., который также способствовал формализации документирования следственных

---

21 Издание судебно–следственной документации в советский период. Методическое пособие. М.: ВНИИДАД, 1998. 46 с.

действий и установлению порядка их проведения. Изучение внешних реквизитов документов позволило определить их авторство и дату составления, а также проследить изменения, связанные, в первую очередь, с введением нового уголовного законодательства. Анализ судебно–следственных дел показал хаотичность в оформлении документов следственного производства 1920-х гг.

В параграфе 2 «Протоколы допросов как источник для изучения следственного производства по обвинению духовенства» – на примере анализа такого вида следственных документов, как протокол допроса, показано становление его формуляра, а также раскрыта историческая ценность содержательной части данного вида следственных документов.

Анализ следственных дел духовенства показывает, что протокол допроса приобретает устойчивый формуляр с 1920 г. в связи с общей тенденцией следственных органов к более организованной форме ведения следствия. В 1925 г. в практическом пособии для следственно–прокурорских работников протокол допроса условно разделяется на три составные части: введение, содержание и заключение²², каждая из которых, как показало исследование, менялась во времени.

Протоколы допросов содержат информацию биографического характера об обвиняемых (о месте и дате рождения, о семейном, социальном, имущественном, общественном положении). Сведения о церковных событиях в целом или отдельного прихода, о социально–бытовых условиях, о повседневной жизни духовенства и верующих также могут находить отражение в содержании протоколов допросов. Анализ этой информации дает возможность проверить и скорректировать общие представления об историческом процессе, увидеть, как то или иное распоряжение политического руководства страны сказывалось на жизни граждан. При этом необходимо учитывать специфические особенности

---

22 Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: Издание НКВД РСФСР, 1925. С. 323; Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений: учеб. для слушателей правовых вузов. Кн. 1. / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Изд–во «Советское законодательство», 1935. С. 207.

данного источника, связанные, в первую очередь, с условиями его создания. Показания как обвиняемого, так и свидетеля могут содержать заведомо недостоверную информацию и требуют комплексной проверки.

В параграфе 3 «Информативность документов судебно–следственных дел духовенства 1917–1930-х гг.» – рассматриваются вопросы информативности документов судебно–следственных дел и достоверности их содержания.

Анализ содержания документов, входящих в состав судебно–следственных дел духовенства, требует исследования всей совокупности этих документов в рамках конкретного дела, а также комплексного подхода с привлечением дополнительных источников. Применение данного подхода связано с наличием скрытой и заведомо недостоверной информации, содержащейся в документах следственных дел.

Анализ документов в рамках исследования конкретных судебно–следственных дел, заведенных в отношении духовенства, позволил восстановить хронологию событий следственных мероприятий, а в некоторых случаях – степень участия и отношение обвиняемого к проводимым действиям, установить сведения биографического характера. Применение комплексного подхода к изучению документов судебно–следственных дел духовенства установило необъективность и необоснованность предъявлявшихся обвинений. Сделан вывод о том, что наличие недостоверной информации в документах судебно–следственных дел не снижает их информативность о судьбах арестованных, о церковной жизни, о государственно–церковных отношениях в указанный период.

В главе 2 «Судебно–следственные дела духовенства как источник для изучения реализации религиозной политики Советского государства в период 1917–1930-х гг.» – последовательно рассмотрены основные периоды репрессий в отношении духовенства, а также на основе изучения судебно–следственных дел проанализирована реализация религиозной политики в

каждый из этих периодов (1917–1920, 1921–1928, 1929–1939 гг.). При изучении и анализе выносимых обвинительных заключений духовенству в рамках рассматриваемого хронологического периода 1917–1930-е гг. были учтены изменения в области не только религиозного, но и уголовного законодательства. Данный подход был обусловлен тем, что следствие в своей работе руководствовалось установками уголовного законодательства, хотя и претерпевавшего значительные изменения в рассматриваемый период, но в целом сохранявшего принцип неразрывности советского уголовного процесса с «классово–политическим содержанием».

В параграфе 1 «Реализация религиозной политики Советского государства в период Гражданской войны (1917–1920 гг.): по документам судебно–следственных дел духовенства» проанализированы первые законодательные акты советской власти по лишению Русской православной церкви юридических и имущественных прав. Бесправное положение духовенства и приравнивание его к «контрреволюционным элементам» находит отражение в документах судебно–следственных дел этого периода.

Анализ судебно–следственных дел духовенства позволил сформулировать вывод о том, что они зафиксировали двойной подход Советского государства к реализации религиозной политики, выразившийся в том, что, с одной стороны, на законодательном уровне декларировались демократические подходы, закрепленные в том числе в Конституции РСФСР 1918 г. и гарантировавшие свободу религии и религиозной проповеди. А с другой – параллельно формировались основы для проведения репрессивных мер по отношению к духовенству, бесосновательно обвинявшемуся в проведении контрреволюционных действий. Начиная с 1918 г. перед специальными органами ставилась задача борьбы с «враждебной деятельностью» церковников. Анализ выносимых обвинений с избираемыми мерами пресечения позволил сделать вывод о том, что в условиях Гражданской войны следствие еще не имело четких установок о необходимости применения жестких мер в

отношении духовенства, относя его к категории лиц, «находящихся под сомнением», и в своих действиях руководствовалось конкретной ситуацией.

В параграфе 2 «Изменение государственной политики в области религии в период 1921–1928 гг. и ее отражение в документах судебно–следственных дел духовенства» – рассматривается следующий период, связанный в первую очередь с кампанией по изъятию церковных ценностей, а также организацией специальными органами внутрицерковного раскола. Показано, что документы судебно–следственных дел свидетельствуют о процессе ужесточения религиозной политики и обвинении духовенства в антигосударственных преступлениях.

В период 1921–1928 гг. государственно–церковные отношения продолжали развиваться в рамках законодательных норм, заложенных в 1917–1918 гг., в первую очередь – Конституцией РСФСР 1918 г. Для рассматриваемого периода характерно активное вмешательство государства в деятельность Русской православной церкви, целью которого был ее развал изнутри и дискредитация в глазах населения. Исследование судебно–следственных дел по обвинению духовенства в контрреволюционных преступлениях свидетельствует о продолжении практики реализации государственной религиозной политики внеправовыми методами; теми же остались и основные предъявляемые духовенству обвинения: антисоветская, контрреволюционная деятельность и антисоветская агитация, между которыми и после принятия Уголовного кодекса 1922 г. отсутствовало четкое разграничение. Принятие Уголовного и Уголовно–процессуального кодексов в 1922–1923 гг. существенно повлияло лишь на делопроизводственную часть ведения следствия, обязав следователя соблюдать формальную ее сторону, тогда как суть предъявляемых священству обвинений и принципы ведения следствия в отношении духовенства остались те же. Существенным является то, что в 1926 г., после внесения изменений в Уголовный кодекс, использование «религиозных предрассудков» стало квалифицироваться как государственное преступление. Изучение судебно–

следственных дел духовенства за исследуемый период 1921–1928 гг. показало расхождение в применении статей УК, что свидетельствует о периоде формирования правоприменительной практики в условиях нового уголовного законодательства.

В параграфе 3 «Государственно–церковные отношения 1929–1939 гг. в документах следственного производства по обвинению священнослужителей в политических преступлениях» – проанализированы изменения законодательства в области религиозной политики в соответствии с реализацией первого пятилетнего плана, направленного на строительство нового социалистического общества, а также репрессивных мер по отношению к Русской православной церкви последней трети 1930-х гг. Реализация принимаемых решений находит отражение в судебно–следственных делах по обвинению духовенства в рассматриваемый период.

Судебно–следственные дела духовенства 1929–1939 гг. позволяют выявить изменения в реализации государственной религиозной политики в соответствии с менявшейся в рассматриваемый период общеполитической ситуацией. Если в период Гражданской войны лица духовного звания обвинялись в приверженности к монархическим течениям, затем, в период новой экономической политики, – в противодействии изъятию церковных ценностей, что воспринималось как явное антигосударственное преступление, то в рассматриваемый в параграфе период – в противодействии мероприятиям, направленным на колхозное строительство в деревне, и в том, что, «будучи враждебно настроено против советской власти», вызывало «террористические настроения по адресу ВКП(б) и систематически вело «фашистско–политическую агитацию». Анализ документов судебно–следственных дел духовенства позволяет проследить структурные изменения, происходившие в органах ОГПУ–НКВД, изменения в предоставлении внесудебных полномочий. Несмотря на то что период 1929–1939 гг. характеризуется укреплением государственной системы партийно–административного управления, в

следственном документировании продолжает наблюдаться нарушение установленных законодательно процессуальных норм ведения следствия.

Результаты исследования изложены в *заключении*.

В результате проведенного диссертационного исследования в соответствии с поставленными целями и задачами диссертантом сделан ряд выводов:

Судебно–следственные дела духовенства Русской православной церкви за период 1917–1930-е гг., отложившиеся в деятельности органов государственной безопасности, являются сложным, многоаспектным источником, отражающим реализацию религиозной политики Советского государства. Документы судебно-следственных дел, а также нормативные акты, регламентировавшие религиозную политику, свидетельствуют о том, что следствие было направлено на реализацию проводимой политики, исходя из установки о контрреволюционности Русской православной церкви и духовенства. Установлено, что предъявляемые духовенству обвинения в государственных преступлениях, квалифицировавшиеся по политическим статьям, не имели правовых оснований. Соотнесение предъявляемых следователями фактов обвинения с нормами статей, регулировавших государственные преступления, позволило сделать вывод о том, что некоторые из них не только не соответствовали содержанию этих статей, но и не попадали под действие каких–либо других статей Уголовного кодекса РСФСР. Анализ изменений в формулировках обвинения позволил выявить неопределенность понятия «контрреволюция». Обвинительные приговоры духовенству в период 1917–1930-е гг. свидетельствуют о том, что они выносились в соответствии с инструкциями и законодательными актами, направленными против политических противников советской власти. При отсутствии оснований для заключения арестованный характеризовался как социально опасный с применением к нему соответствующих мер наказания. Следствие по таким делам проходило в короткие сроки, а решение выносилось внесудебными органами, что фиксируют документы следственного производства в отношении

священнослужителей. Автором на основе анализа документов следственного производства впервые установлено, что меры пресечения, выносимые обвиняемому духовенству в 1917–1930-е гг. в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР, изменялись в соответствии с проводимыми в государстве общеполитическими кампаниями (военный коммунизм, НЭП, коллективизация и т.д.).

В период Гражданской войны 1917–1920 гг., который характеризуется целенаправленной деятельностью Советского государства по лишению Русской православной церкви имущественных и юридических прав, духовенство арестовывалось по подозрению в контрреволюционной агитации и произнесении якобы антисоветских проповедей.

Хронологический период 1921–1928 гг. характеризуется активным вмешательством государства во внутреннюю жизнь Русской православной церкви. Анализ судебно–следственных дел духовенства в этот период показывает сохранение следователями специальных органов практики применения внеправовых методов ведения следственного процесса, а также расхождение в практике применения статей Уголовного кодекса к одним и тем же преступлениям.

Период 1929–1939 гг. определяется кардинальными изменениями в правовом регулировании государственно–церковных отношений, в частности конституционным ограничением возможности религиозной проповеди. Изучение следственных дел духовенства по годам за рассматриваемый в параграфе период позволило установить схожесть практики в вынесении приговоров в период проведения коллективизации и массовых репрессий 1937 г. и соответствие ее инструктивным документам, определявшим ход реализации данных кампаний.

Проведенное исследование утвердило автора в понимании, что для воссоздания подлинных событий требуется привлечение дополнительных источников, в том числе из других фондов. Анализ содержания следственных

документов показал, что нередко они являются единственным источником, запечатлевшим информацию об обстоятельствах жизни и судьбе репрессированного. Однако специфика самого источника требует учета условий его создания.

Анализ инструктивных документов, практических пособий для следственно–прокурорских работников, а также статей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов позволил диссертанту прийти к выводу о том, что ведение судебно–следственного производства строго регламентировалось в части установления процессуального порядка, общих требований к оформлению следственных действий, которых следователи в целом придерживались. Тем не менее, само следствие проходило однобоко, когда учитывались только обстоятельства, позволявшие следствию предъявить необходимые обвинения. Внешние реквизиты документов следствия позволяют установить их ведомственную принадлежность, дату составления, восстановить хронологию проведения тех или иных следственных действий, а также проследить изменения, связанные с введением нового уголовного законодательства.

Наиболее информативным документом в составе судебно–следственных дел духовенства 1917–1930-х гг. является протокол допроса. Сравнительный анализ формуляра протокола допроса в хронологической последовательности позволил установить его внутреннюю структуру. Было установлено, что наличие специфических особенностей протоколов допросов, связанных с неполнотой или недостоверностью части информации в них заключенной, не снижает их исторической информативности, поскольку следственные документы отражают реализацию государственной религиозной политики.

Документы следственного производства по обвинению духовенства в контрреволюционных преступлениях содержат сведения биографического характера об арестованных, позволяют восстановить обстоятельства арестов, их причины, хронологию следственных мероприятий. Включенные в состав

судебно–следственных дел документы отражают события церковной и общественной жизни и отношение к ним рядовых граждан, социальные отношения внутри конкретных церковных приходов, социально–бытовые условия жизни священников и верующих, освещают историю повседневности в изучаемый период 1917–1930–х гг.

Изучение судебно–следственных дел духовенства за исследуемый период показало, что, несмотря на имеющиеся в историографии разночтения в оценке документов судебно–следственного производства, они являются историческим источником для изучения реализации религиозной политики Советского государства, судеб репрессированного духовенства, социальных процессов в обществе, повседневной жизни населения России в XX в.

Апробация результатов исследования. Основные итоги диссертационной работы отражены автором в публикациях в периодических изданиях, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК:

1. Конституционные основы антирелигиозной политики советского государства: 1918–1937 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 4(37). С. 17–23.

2. Законодательные инициативы советской власти в области религиозной политики. 1917–1920-е гг. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 209–222.

3. Архивно–следственные дела по обвинению духовенства – информативный источник по истории Русской православной церкви // Вестник архивиста. №4. 2016. С. 58–73.

Публикации в других изданиях:

4. Антирелигиозная пропаганда советской власти в среде крестьян. 1920-е гг. // Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: Материалы XXX Международ. науч. конф. (Москва, 25–26 апр. 2017 г.) / Редкол.: В.И. Дурновцев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун–т, Ист.–арх. ин–т, Высшая школа источниковедения, вспомогат. и спец. ист. дисциплин. М.: РГГУ,

2017. С. 166–169.

5. Вопросы религии в первых декретах советской власти // Российской общество и Православная церковь: уроки истории. Электронный ресурс: материалы XIII Международ. науч. – образовательных Знаменских чтений (13–16 марта 2017 г.). Курск: Изд-во Курского гос. у-та и Курской православной духовной семинарии, 2017. С. 72–77. Режим доступа: <https://docplayer.ru/47525715-Formirovanie-i-razvitie-istoricheskogo-tipa-russkoj-civilizacii-k-700-letiyu-rozhdeniya-prepodobnogo-sergiya-radonezhskogo-sbornik-nauchnyh-trudov.html>

6. Имущественные права Русской православной церкви в первых декретах советской власти // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сб. материалов Седьмой международ. конф. молодых ученых и специалистов «Сlio–2017». М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 340–342.

7. Архивно–следственные дела как источник изучения антирелигиозной политики Советского государства // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международ. науч. конф. (Москва, 14–16 апр. 2016 г.) / Редкол.: Ю.Э. Шустова (отв.ред.) и др.; Рос.гос.гуманит. ун–т, Ист.–арх. ин–т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин–т всеобщ. ист. М.: Аквилон, 2016. С. 395–396.

8. Религиозная политика Советского государства в 1920–е гг. в документах следственного производства // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. материалов Шестой международ. конф. молодых ученых и специалистов «Сlio–2016». М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 405–408.

9. Судебно–следственные дела как исторический источник для изучения

политики советского государства в отношении русской православной церкви // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. статей / Отв. ред. Т.И. Любина. Сб. материалов Международ. науч. конф., (Тверь–Пушкино, 10-11 окт. 2014 г.). Тверь: СФК–офис, 2014. С. 95–101.